

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. III

1. *Закал, закалить (закаленный)*

Русский литературный язык 30—50-х годов прошлого столетия все теснее сближается с профессиональными диалектами и специальными языками. В этом процессе отражалась стилистическая реорганизация литературного языка, отрыв его от старой дворянской эстетики художественного слова. Терминология и фразеология разных профессий и специальностей вливаются в стили публицистики и повествовательной прозы, расширяя и обобщая свои значения или подвергаясь метафорическому переосмыслению. Тут не обходилось без влияния западноевропейских языков, из которых исходили толчки к тому или иному словоупотреблению и в которых находили опору чисто русские, национальные тенденции языкового развития (в силу однородности законов исторической семантики). Так, в 30—40-е годы XIX в. обозначается новый путь развития значений у слов *закал, закалка, закалить*; намечаются новые линии их стилистического употребления.

Ср. у Державина: «В стуже и в зное меч *закаляя*»¹.

По-видимому, прежде всего расширяется, отчасти под влиянием французского *retrempé* (ср. *être trempé*), переносное значение у причастной формы *закаленный*, которая входит в стиль художественной прозы и в стихотворный язык. Ее употребление в переносном смысле было особенно часто в литературном языке 30-х годов. Ср. у Лермонтова в «Колыбельной песне»:

Но отец твой, старый воин,
Закален в бою.

Но вместе с тем не подлежит сомнению, что новые значения и оттенки сразу же распространялись и на другие формы глаголов *закалить* и *закалиться*.

Любопытно, что в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. эти новые веяния, охватившие широкий круг слов, производных от *калить* (*закал, закалка, закалить, закалиться, раскалиться, раскаленный* и т. п.), еще не находят никакого отражения. Так, в глаголе *закаливать*—*закалить* здесь выделяются лишь такие значения: «1) Раскалив железо, опускать в воду, чтобы

¹ Г. Р. Державин. Сочинения, т. IX. Словарь. СПб., 1883, стр. 378.

посредством внезапной остуды сделать его тверже. *Закаливать железо*; 2) Допускать *закал* в хлебе и в хлебных яствах»².

Конечно, соответствующие значения указываются и в словах *зака́лка* и *зака́л*. Например, *зака́л* определяется так: «1) То же, что *зака́лка* (т. е. а) действие по глаголу *закаливать* — *Закал чугуна, стали*; б) степень твердости, производимая закаливанием — *Слабый, крепкий закал*). 2) То же, что *зака́лина* (т. е. 'недостаток рыхлости; плотность в хлебном или в хлебе под коркою. *Хлеб с закалиною*')» (стр. 22).

Однако в русском литературном языке 30-х годов XIX в. переносные значения глаголов *закалить*, *закалиться*, *закаленный* уже выражены чрезвычайно рельефно. По-видимому, они сначала воспринимаются как метафоры, тесно связанные с военными образами, с образами оружия.

Ср. у Лермонтова в «Хаджи-Абреке»:

Его свободные сыны
В огнях войны *закалены*.

У Гоголя в «Тарасе Бульбе»: «По смуглым лицам видно было, что все они были *закалены* в битвах, испробовали всяких невзгод»³.

У Лермонтова в «Вадиме»: «Его сердце, *закаленное* противу всех земных несчастий, в эту минуту сильно забилося».

Ср. у И. В. Киреевского в «Обозрении русской словесности»: «Следуя преимущественно направлению французскому, кн. Вяземский умеет острые стрелы насмешки *закалять* в оригинальных мыслях».

У Кс. Полевого: «Стих Языкова *закален* громом и огнем русского языка» («Московский телеграф», 1833 г.)⁴.

Таким образом, ярче всего и прежде всего переносное значение и употребление выступают в причастии *закаленный*, которое приобретает оттенок: 'получивший твердость, стойкость, выдержку, способность крепко переносить лишения, жизненные невзгоды, мужественный'.

Ср. у Л. Толстого в «Рубке леса»: «Он был человек *закаленной*, спокойной храбрости».

В глаголе *закалиться* в русском литературном языке 30—40-х годов XIX в. также развивается переносное значение: 'стать закаленным, развить в себе твердость, настойчивость, выдержку, приучиться стойко и мужественно переносить лишения, невзгоды'.

² «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 2. Изд. 2, М., 1867, стр. 45—46.

³ Ср. тут же употребление глагола *закалиться*: «Когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и *закалился* в ней душою, не чужь человечества». . . («Тарас Бульба»).

⁴ «Словарь русского языка», сост. Вторым отд. имп. Академии Наук, т. II, вып. 4. СПб., 1900, стр. 1127—1128.

Ср. у Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика»: «Ода Державина показывает, до какой степени может *закалиться* поэзия в душе человека»⁵.

У Никитина в стих. «Внезапное горе»:

Привыкайте, родимые, к доле худой!
Закаляйтесь в кручинушке смолоду!

Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Господах Ташкентцах»: «Но, к общему удивлению, Ольга Сергеевна *закалилась* как адамант».

У Тургенева в переводе легенды о Юлиане Милостивом: «Кожа его заскорузла от ветра, члены отвердели от соприкосновения ратных доспехов, он весь *закалился*».

Понятно, что эти значения переливаются и в активное употребление глагола *закалить*.

У Гоголя в «Переписке с друзьями»:

«Уже с самого начала вы должны были помышлять о том, чтобы действовать так прочно и *закалить* сделанное так крепко, чтобы после вас никто уже не мог своротить того, что раз направлено».

Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках»: «Княжна усиливается забыть его, усиливается *закалить* свои чувства».

У Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика»: «Александр предвидел бурю: и все враждебные происшествия и обстоятельства *закалили* его по природе мягкое сердце, внушили ему твердость и настойчивость»⁶.

Новый оттенок значения в глаголе *закалять—закалить*: 'правильным физическим воспитанием приучать к холоду, делать крепким, выносливым', а в форме *закаленный* — 'хорошо воспитанный физически и потому стойкий, не подвергающийся простуде, болезням' — оформляется лишь во второй половине XIX в.

Ср. Лейкина (в «Петербургской газ.», 1899): «Померзнуть немножко не мешает — это *закаляет* здоровье».

У Потапенко в «Истории одной коммуны»: «Ты должен всячески *закалять* себя, чтобы сделаться крепким и выносливым».

Необходимо подчеркнуть, что и в традиции старого высокого и среднего стиля XVII—XVIII вв., опиравшегося на церковно-славянизмы, была фразеологическая опора для метафорического развития глагола *закалять*. Из старославянского языка вошло в древнерусский язык слово *горнило* как синоним слова *горн*⁷.

⁵ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. «Academia», 1930, стр. 328.

⁶ Там же, стр. 348.

⁷ См.: А. Х. Востоков. Церковно-славянский словарь. Материалы для словаря и грамматики. Прибавления к т. VI «Известий имп. Акад. Наук по Отделению русского языка и словесности». СПб., 1857, стр. 187.

Это слово дожило до XVIII в. и укрепилось в высоком слоге. Например, у Ломоносова в «Оде, выбранной из Иова»:

Сверкают очи раздраженны,
Как уголь, в горниле раскаленный.

Слово *горнило* вошло в связанную цепь фразеологических оборотов для образного выражения испытаний, переживаний, впечатлений опыта, закаляющих характер человека. Круг этих фраз расширялся и употребление их оживилось в русском литературном языке 30-х годов. Например, у И. И. Лажечникова в «Ледяном доме»: «Душа моя испытана в неугасимом *горниле*, тяжкий молот судьбы бил ее со всех сторон». У Лермонтова в «Герое нашего времени»: «Я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из *горнила* их я вышел тверд и холоден, как железо».

Тот же ход изменений значений наблюдается и в слове *закалка* и *закал*. Так, переносное значение слова *закалка* в языке Гоголя еще получает мотивировку в виде сравнения: «Растопившись подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней *закалки*» («Мертвые души»).

Ср. у Лажечникова в «Басурмане»: «Они воспользовались отсутствием великого князя и главных противников своих, чтобы сыскать новые, вернейшие орудия с адской *закалкой*».

Ср. употребление слова *закал* у Герцена в «Былом и думах»: «Сибирь кладет свой отпечаток, вовсе не похожий на наш провинциальный; он далеко не так пошел и мелок. Он обличает больше здоровья и лучший *закал*».

У Тургенева в рассказе «Часы»: «Мне нужно было в целости сохранить весь пыл мести, весь *закал* безвозвратного решения».

У Писемского в «В водовороте»: «Только немецкий *закал* характера и надежда на свою ловкость дали барону силы не пасть духом».

В 40—50 годах XIX в. и слово *закал* сближается с французским *la trempe*. Еще акад. Я. К. Грот в «Филологических разысканиях»⁸ указал, что в 50—60-х годах широко распространилось выражение *человек такого закала* под влиянием французского *un homme de cette trempe*.

В письме Е. Я. Колбасина И. С. Тургеневу (от 7 февр. 1875 г.): «Вы человек такого *закала*, которому суждено жить долго и делаться год от году лучшим»⁹.

Ср. у Ап. Григорьева в «Моих литературных и нравственных скитальчествах»: «Вот людей такого-то чисто русского *закала*, людей с серьезной жаждой мысли и жизни, способных прожить жизнь или ставить ее на всякую карту, кроме еще небольшого кружка людей дельных, способных специально чем-нибудь

⁸ Изд. 4. СПб., 1899, стр. 13.

⁹ «И. С. Тургенев и круг „Современника“». М., 1930, стр. 323.

заняться, — мало удовлетворяло направление „Телеграфа“ и общий уровень тогдашней литературы»¹⁰.

«Довелось мне быть наставником одного крайне ленивого и крайне же даровитого отрока — купно с весьма положительным гувернером-англичанином, честнейшим и ограниченнейшим господином мещанского *закала*»¹¹.

У Тургенева в романе «Отцы и дети»: «Это был человек старого *закала*, не разделявший новейших воззрений».

У Писемского в романе «Взбаламученное море»: «Его встретил губернского *закала* мрачный и грязный лакей». У Салтыкова в «Благонамеренных речах»: «Я догадался, что имею дело с бюрократом самого новейшего *закала*».

У Мельникова-Печерского в «На горах»: «Одного *закала* были, хоть по разным дорогам шли».

У Григоровича в «Литературных воспоминаниях»: «У меня был готовый план для большого романа; мне хотелось в нем вывести два поколения: отживающих помещиков *старого закала* и новых». . .

У Б. М. Маркевича в романе «Бездна»: «Кто же его по Москве-то не знает! . . *Старого закала*, хороший барин, благородный. . .»¹²

2. Набожный, набожность

Слово *набожный* (как и производное от него *набожность*) по своему морфологическому строю выделяется из ряда русских слов, имеющих в своем составе основу *бог-* / *бож-* (ср. *безбожный*, *убогий*). Обращает на себя внимание и его акцентовка (на приставке; ср. чеш. *nabožnost*, ср. народное *ná boha*)¹³. Слово *набожный* находит себе яркие параллели в западнославянских языках — в чешском и польском, например, очень богато соответствующее гнездо слов в польском языке: *nabożenstwo* 'богослужение', 'набожность'; *nabożnica* 'лицемерка'; *nabożniec* 'делаться пустосвятом'; *nabożnik* 'ханжа', 'пустосвят'; *nabożnictwo* 'ханжество', 'пустосвятство'; *nabożny* 'набожный', 'благочестивый', 'благоговейный'; *nabożność* 'набожность', 'благоговение'.

Чешские *nabožný*, *nabožnost* как будто ближе к русским. Любопытно, что и хорватское *nabožan*, *nabožnost* явилось, по видимому, под влиянием чешского языка¹⁴.

¹⁰ Ап. Григорьев. Воспоминания. «Academia», 1930, стр. 117.

¹¹ Там же, стр. 133.

¹² М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, ч. I. СПб., 1912, стр. 320.

¹³ Об ударении см.: R. N a c h t i g a l l. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. Heidelberg, 1922, стр. 12, 97, 125, 136, 156 (Wörterverzeichnis).

¹⁴ См.: Prof. T. M a r e t i ć. Ruske i češke riječi u kniževnom hrvatskom jeziku. Zagreb, 1892, стр. 33.

Однако перенос ударения — при предположении русского заимствования этих слов из польского языка — мог произойти на русской почве (под влиянием *на бога*).

Акад. А. С. Орлов, отметив употребление слова *набожность* в «Тилемахиде» В. К. Третьяковского, поставил его в связь с польским влиянием (польск. *nabożność*)¹⁵.

Слова *набожность*, *набожный*, несмотря на их смысловую связь с религиозным культом, его мифологией и идеологией, не отмечены в языке средневековой письменности¹⁶. Они появились в русском литературном языке не ранее конца XVII в.

В «Истории о Петре I» кн. Б. И. Куракина (начало XVIII в.): «Кн. П. И. Прозоровский. . . был человек *набожной* и справедливой»; «Прозоровский. . . ведал Денежной двор и управлял со всякою верностью и без мздоимства, понеже был человек *набожной*, который до своей смерти был содержан честно и так скончал свою жизнь»¹⁷. Ср. в той же работе: «Д. Т. Долгорукой. . . мужик старой и *набожной* и препрстой. . .»¹⁸

Значение слов *набожный*, *набожность* не подверглось существенным изменениям на протяжении двух с половиной веков. *Набожный* у верующих: 'богомольный, тщательно исполняющий все предписания религии'; *набожность*: 'благочестие, тщательное выполнение требований веры, культа'.

Ср. у Крылова в «Кот и повар»:

Он *набожных* был правил,

А в этот день по куме тризну правил.

3. *Перелистывать — перелистать*

Во многих случаях бывает очень затруднительно решить, в какой мере параллелизм синонимического употребления русского и чужезычного слова свидетельствует о генетической связи между этими словами или о семантической зависимости их одного от другого. Установить факт хронологического первенства какого-нибудь из этих слов далеко не всегда можно с полной уверенностью. Период совместного существования двух слов в качестве синонимов нередко завершается вытеснением одного из них, обычно того, которое продолжает восприниматься как заимствование и которое не вполне ассимилируется с лексической системой русского языка.

Глагол *перелистывать* в значении 'бегло перевертывать страницы какой-нибудь книги' не вошел в «Словарь Академии Рос-

¹⁵ А. С. Орлов. «Тилемахида» В. К. Третьяковского, сб. «XVIII век», т. I. М.—Л., 1935, стр. 53.

¹⁶ См.: Срезневский, т. II, стр. 266. Здесь указано лишь неясное по значению *набоженка* из «Вопрошаний Кирика».

¹⁷ «Русская Старина», 1890, октябрь, стр. 244 и 248.

¹⁸ Там же, стр. 255.

сийской». Он впервые зарегистрирован в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. (хотя глагола *листать* здесь еще нет). В этом словаре глагол *перелистывать* имеет формы: *перелистовать* — соверш. вида и *перелистывать* — несоверш. вида («перебирать листы в книге, читая бегло или без внимания») ¹⁹.

Не подлежит сомнению, что слово *перелистовать* (*перелистать*) укрепилось в русском литературном языке гораздо ранее XVIII в. И. В. Ягич отметил в венском немецко-русском словаре XVII в. *отлистать* — *abblattern* ²⁰. *Перелистовать* соответствовало франц. *feuilleter*, русск. *фельетировать*. Например, в пародическом письме щеголихи к живописцу: «По чести скажу, что твои листы вечно меня прельщают. Клянусь, что я всегда *фельетирую* их без всякой distraction. Да и нельзя не так, ты не грустен, шутишь славно, и твоё перо по бумаге бегаёт бесподобно. Ужесть, ужесть, как прекрасны твои листы» ²¹.

Ср. еще в 1859 г. у А. Н. Серова (в письме к К. И. Званцеву): «Он — вместо того, чтоб читать, *профельетировал* книгу, наткнулся на мелочи» ²².

В пародическом письме галломана, приложенном к «Рассуждению о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова, рядом с *фельютировать* появляется и русский его синоним *перелистывать*: «Вы напрасно говорите, что нынешние писатели, в числе которых и я имею честь вам кланяться, не читают никогда русских книг: я сам *перелистывал*, то есть фельютировал Ломоноса и перебегал или паркулировал Сумарока, чтоб иметь от них идею. Оба они весьма посредственные писатели» ²³. Ср. тут же: «Я был в хорошем нраве, и захотелось мне посмеяться над писателями того периода. И так я начал эту книгу *перелистывать*» (стр. 428; ср. также стр. 430).

У Н. Ф. Павлова в повести «Ятаган» («Три повести» Н. Ф. Павлова. 1834): «Он *перелистывал* мысленно историю своей храбрости».

У А. И. Тургенева в письме П. А. Вяземскому (от 24/12 сентября 1833 г.): «С хозяином *перелистывал* его древние рукописи, его ученые редкости, им написанные брошюры» ²⁴.

¹⁹ «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. III. Изд. 2. СПб., 1867, стр. 394.

²⁰ Акад. И. В. Ягич. Заметка об одном рукописном словаре немецко-русском XVII столетия. «Изд. Отд. русск. языка и словесности имп. Акад. Наук», т. II, кн. 2, Петербург, 1897, стр. 296.

²¹ «Живописец» [1772, л. 9] — «Русские сатирические журналы XVIII века». М., Учпедгиз, 1940, стр. 174—175.

²² «Русская старина», 1888, август, стр. 357.

²³ А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1813, стр. 424—425.

²⁴ «Перециска А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским», т. I. «Наука», 1921, стр. 345.

Во второй половине XIX в. к *перелистывать* в разговорной речи стала употребляться форма совершенного вида *перелистать*²⁵, вытеснившая господствовавшую ранее форму *перелистовать*.

Глагол же *фельетировать* уже в 40—50-е годы воспринимается как галлицизм стародворянских стилей.

Таким образом, есть все основания утверждать, что слово *перелистовать* (народное *перелистать*) образовалось в русском языке самостоятельно. Но в конце XVIII в. в некоторых стилях русского литературного языка укрепился сложившийся под влиянием французского языка глагол *фельетировать*. Возник синонимический параллелизм двух слов — *фельетировать* (ср. *профельетировать*) и *перелистывать*, при этом очень возможно, что в параллель к *фельетировать* слово *перелистывать* — *перелистовать* (*перелистать*) расширило круг своего употребления в ущерб активности описательного выражения *перевертывать листы* (ср. исключительное его употребление в языке Пушкина). Стилистическое соперничество закончилось победой глагола *перелистывать*.

4. Сосредоточенный, сосредоточенность

Слово современного русского языка *сосредоточить* и производные *сосредоточенный*, *сосредоточенность* не имеют позади себя длинной истории. Сами они очень юны, хотя их составные элементы древни. Слово *средоточие*, от которого все эти слова произошли, образовано в книжно-славянском языке по образцу таких древних славянизмов, как *средовечие*, *средостение* и т. д.²⁶ Оно не зарегистрировано в «Материалах для словаря древнерусского языка» акад. И. И. Срезневского. Его нет в лексиконе «Памвы Берынды» и в «Трехязычном лексиконе» Ф. Поликарпова (1704 г.). Оно появилось, по-видимому, в высоком славянизированном научном слого около середины XVIII в. для передачи греч. *κέντρον*, лат. *centrum*. Во всяком случае, в словарях Академии Российской оно рассматривается как общеупотребительное литературное слово. Между тем в «Немецко-латинском и русском лексиконе» 1731 г. слова *средоточие* еще нет. Здесь для перевода нем. *Mittelpunkt*, лат. *centrum* предлагается выражение «средняя точка» (стр. 420). Естественно рождается предположение, что слово *сре-*

²⁵ В «Толковом словаре» В. И. Даля еще нет формы *перелистать*. Здесь находим: «*Перелистовывать* или *перелистывать*, *перелистовать* книгу, перебирать по листам, перевертывать листы; || читать бегло, поверхностно. *Читать некогда было, а перелистывал*. || Перенумерить листы, страницы. *Перелистовать шнуровую книгу*» (Д а л ь III, стр. 62—63).

²⁶ См.: Срезневский III, стр. 482—483. Ср. здесь также: *сръдло-двѣрникъ*, *сръдлоложникъ* 'промежуток', *сръдлопостижъ*, *сръдлоръчникъ* и т. п. Ср. также в «Дополнениях к материалам», стр. 248.

доточие образовано под влиянием нем. *Mittelpunkt* для книжно-славянского выражения того же научного понятия, которое в научном языке XVII в. обозначалось сначала греческим *κέντρον*, затем — латинским *centrum*. Значение этого книжного слова — *средоточие* — было очень устойчиво. До начала XIX в. оно сохраняло свое первоначальное этимологическое значение: 'точка, воображаемая в середине круга или шара'; 'центр — средоточие земли'. Это был геометрический термин. Так это слово и определяется в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г.²⁷ Ср. в словарях Академии Российской: «Средняя точка или точка, равно от краев отстоящая. Средоточие земли. Средоточие круга». Лишь в русском литературном языке XIX в. *средоточие*, продолжая частично выступать в роли синонима слова *центр* (в значении 'место, где сосредоточена какая-нибудь деятельность', 'важный пункт чего-нибудь'), теснее связывается по своим семантическим оттенкам с глаголом *сосредоточить*.

Глагол же *сосредоточить*, некогда произведенный от слова *средоточие*, сам повлиял на дальнейшую семантическую судьбу этого слова и обеспечил ему долгое существование в русском литературном языке.

Ср. в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу (от 13 декабря 1825 г.): «[Париж], что ни говори, а *сосредоточие* европейского просвещения»²⁸.

Показательно, что в «новом слоге Российского языка» (т. е. в стилях Карамзинской школы) в связи с применением неологизма *сосредоточить* расширяется круг употребления и слова *средоточие*. А. С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге» так комментирует фразу Карамзина «Руссо, по своему характеру, ставит себя *средоточием* мыслей своих. . .»: «Руссовы мысли уподоблены здесь кругу, а сам он, по характеру его, сделан центром сего круга. Признаться должно, что геометрическое выражение сие весьма далеко отстоит от ясности геометрических определений» (стр. 186).

Ср. у Н. И. Греча в «Воспоминаниях» (Новоселье, 1833): «В каждом человеке можно найти пищу для созерцательного духа; каждый человек есть малый мир, движущийся вокруг духовного *средоточия*»²⁹.

Укреплению слова *средоточие* рядом со словом *центр* содействовали национальные славянофильские тенденции, развивавшиеся в среде ученых ломоносовской школы³⁰.

²⁷ «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 4, Изд. 2. М., 1867, стр. 444.

²⁸ «Архив братьев Тургеневых», вып. VI. Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским. Пг., 1921, т. I, стр. 21.

²⁹ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. «Academia», 1930, стр. 273.

³⁰ Необходимо заметить, что русские ученые-патриоты второй половины XVIII в. предлагали и в языке математики заменять иностранные термины русскими. Акад. Никитин и Суворов употребляли вместо *линия* —

В современном русском языке слово *средоточие* принадлежит книжному стилю. Оно обозначает: 'то, что сосредоточивает в себе что-нибудь', 'то, где сосредоточено что-нибудь'; 'основной центр чего-нибудь'.

Глагол *сосредоточить* произведен от слова *средоточие* в русском литературном языке конца XVIII—начала XIX в. под влиянием французского *concentrer*. Это — своеобразная калька французского слова. А. С. Шишков так и писал в «Рассуждении о старом и новом слоге» (1813 г.): «Знаменованіе . . . глагола сего ищи во французском лексиконе под словом *concentrer*; ибо тщетно будешь ты искать его в Российских книгах и словарях» (стр. 177—178). Здесь же Шишков в таком виде характеризует мечты и думы карамзиниста: «Как перевесть глагол *développer*? Как прославившегося подвигами своими мужа, последуя французским писателем, уподобить *актеру*, вышедшему *на сцену*, играющему *тонкую* или *занимательную роль* и всех взоры в себе *сосредоточивающему*?» (стр. 292). Ср.:

Когда бы ты в Лондоне, в Париже или в Вене,
С твоими грасами явилася на сцене,
Сосредоточила б ты мысли всех умов! (стр. 434).

Сосредоточить первоначально обозначало 'стать средоточием или стянуть, собрать в один центр, в одно место, объединить в одном месте'.

В письме Ф. В. Булгарина М. П. Погодину (от 1826 г.): «Что Полевой? . . Я для него служу фокусом, в котором *сосредоточиваются* все лучи его гнева и злобы противу целого мира»³¹.

В журнале «Московский Вестник» говорилось: «Настоящее назначение журнала состоит в том, чтобы . . . *сосредоточивать* во едино все разногласные мнения публики»³².

Канонизованное Карамзиным, слово *сосредоточить* вошло в 20—30-х годах XIX в. в норму литературного языка.

В нем развились новые значения и оттенки: 1) *что*. 'Напрягши объединить, собрать (для какой-нибудь цели)'. *Сосредоточить усилия, силы. Сосредоточить мысли*; 2) *что на ком-чем*. 'Собравши, целиком направить на кого-что'. *Сосредоточить внимание на чем. Сосредоточить любовь на ребенке*.

Ср. у И. С. Тургенева в «Литературных и житейских воспоминаниях»: «Враг этот был крепостное право. Под этим именем я собрал и *сосредоточил* все, против чего я решился бороться до

черта, вместо *фигура* — *образ*, вместо *центр* — *острие*, вместо *теорема* — *мысль*, вместе *теория* — *мысльствие* и т. п. (М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. V. СПб., 1880, стр. 21).

³¹ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. II. СПб., 1889, стр. 10.

³² 1828, ч. VIII, стр. 63—64.

конца — с чем я поклялся никогда не примиряться» («Вместо вступления», 1868, стр. IX).

В первой же половине XIX в. причастие *сосредоточенный* приобретает яркие качественные значения и от него производится отвлеченное имя существительное *сосредоточенность*.

В «Толковом словаре» В. И. Даля уже нашли себе место и *сосредоточенный* и *сосредоточенность* как отдельные слова, но без точного и прямого объяснения. Здесь читаем: «*Сосредоточенность* ж., действие по глаголу *сосредоточить*, *сосредоточивать* что; скопить, скучить, свести в одно место, устремить в одну точку. *Сосредоточить* войска, стянуть гуще, теснее. *Сосредоточить* выстрелы, направить в одно место. *Сосредоточенный* огонь. . . *Сосредоточиться*, быть сосредоточену. *Сосредоточить* внимание, мысли свои на чем или *сосредоточиться* мыслями на чем, обратить мысли на один предмет, усиленно размышлять»³³.

В рецензии И. С. Тургенева на сборник «Поэтические эскизы» (1850 г.): «. . . Несмотря на все наше *сосредоточенное* мужество, уже не один взгляд украдкой скитался по углам комнаты»³⁴.

У Ап. Григорьева в статье «Безвыходное положение» (1863 г.): «Для того, чтобы быть художником, нужна *сосредоточенность*, нужно спокойствие».

В письме И. И. Панаева В. П. Боткину (от 28 сентября 1856 г.): «Да пошлет же тебе бог для нее [статьи] *сосредоточенности* и терпения»³⁵.

У Д. В. Григоровича в «Воспоминаниях»: «При всей теплоте, даже горячности сердца, он [Достоевский] еще в училище, в нашем тесном, почти детском кружке отличался не свойственною возрасту *сосредоточенностью* и скрытностью»³⁶.

Сосредоточенный, кроме причастного пассивного значения, выражает качественное значение: «напряженный, всецело поглощенный чем-нибудь, устремленный на что-нибудь одно». *Сосредоточенный* вид. *Сосредоточенный* взгляд. *Сосредоточенное* внимание. «*Выражение его лица было сосредоточено и угрюмо*» (Тургенев, *Новь*); «*Сосредоточен, я живу в себе самом*» (А. К. Толстой).

«*Сосредоточенность*, и, мн. нет, ж. Отвлеч. сущ. к прилаг. *сосредоточенный* || *сосредоточенное* внимание, углубленность во что-нб.»³⁷

³³ Д а л ь. IV, стр. 411.

³⁴ И. С. Тургенев и круг „Современника“, стр. 461.

³⁵ Там же, стр. 389.

³⁶ Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 130.

³⁷ «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. IV. М., 1940, стр. 399.

5. Стрюцкий

Слово *стрицкий* устарело. Правда, оно еще встречается, хотя и не так часто, и в современном просторечном употреблении. Оно внесено в «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и определено так: «пустой, неосновательный, ничтожный человек» (т. IV, стр. 568).

Еще раньше оно было зарегистрировано Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка» (2-е изд., т. IV, стр. 354): «Стрюцкий и стрюцкой члвк, подлый, дрянной, презренный». А. И. Соболевский, знавший это слово в живом московском употреблении, указал на этимологическую связь его с *баструк*, особенно с прилагательным *бастрюцкий*³⁸ (сын). (Ср. *шлык* из *башлык*.) *Баструк* же у Даля обозначает 'выродок' — пригульный, небрачнорожденный (с пометой: *воровское*)³⁹.

А. Преображенский признал это объяснение вероятным. Поэтому, хотя сам и слышал это слово лишь в форме прилагательного *стрицкий*, он восстанавливает как первичное слово: *стрик*, р. *стрика* (?); *стрицкий* — бранное и ироническое без определенного значения, вроде презренный, дрянной»⁴⁰.

Баструк, *баструк* — слова, известные областным, преимущественно южным, говорам и воровскому жаргону. Они находят соответствие в укр. *байстрик*, *байстрик* и в польск. *bastrak*. Возможно, что и в русских говорах *баструк*, *баструк* являются заимствованием из украинского языка. В украинский же и польский языки это слово вошло из нем. *bastard*⁴¹.

Есть основания предполагать, что в литературный язык слово *стрицкий* попало из речи деклассированных люмпен-пролетариев, из «блатной музыки», из низовых жаргонов города, где оно в свою очередь в деформированном виде укрепилось не без влияния южно-западнорусской народной речи. Но какова бы ни была этимология слова *стрицкий*, оно приблизилось к русскому литературному языку из жаргонов и диалектов устной речи не ранее второй половины XIX в. Оно употребляется и комментируется в комедии А. Н. Островского: «В чужом пиру похмелье». Им пользуется купец Андрей Титыч:

«. . . эти *стрицкие* такие дела-с с нами делают, что смеху подобно.

Лизавета Ивановна. Что у вас за слова такие! Какие-то *стрицкие*!

³⁸ РФВ, XVI, стр. 345.

³⁹ В. И. Даль. Толковый словарь . . . , т. I. М., 1880 и 1935, стр. 53.

⁴⁰ Преображенский II, стр. 405.

⁴¹ См.: Преображенский I, стр. 18; ср.: Вернекер, I, стр. 45: *baster*, *bastrak*. Но ср. у Фасмера (III, стр. 33) под словом *стрик* — без всяких диалектологических дополнительных указаний, со ссылками на А. И. Соболевского и А. Преображенского, а также на «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (ср. I, стр. 60).

А н д р е й Т и т ы ч. Уж это слово им не даром дано-с. Другой весь-то грош стоит, а такого из себя барина доказывает, и не подступайся — засудит; а дал ему целковый, или там больше, глядя по делу, да подпоил, так он хоть спирю плясать пойдет»⁴².

Аполлон Григорьев в воспоминаниях «Мои литературные и нравственные скитальчества» упоминает и о комедии Островского «В чужом пиру похмелье» и о слове *стрицкий* в связи с описанием Зацепы в Замоскворечье: «Идя по Пятницкой, влево, вы добредете даже до Зацепы, этого удивительного уголка мира, где совершается невозможнейшая с общечеловеческой точки зрения и вместе одна из наиболее действительнейших драм Островского „В чужом пиру похмелье“, где хозяйка честного учителя берет расписку с Андрюши Брускова в женитьбе на дочери своего постояльца, и „Кит Китыч“ платится по этой странной расписке, ибо не знает, что могут сделать „стрицкие“, и внутренне боится их, хотя и ломается над пропившимся „стрицким“ Сахаром Сахарычем. . . Тут, между Зацепой и комиссариатом, две жизни; жизнь земщины и жизнь „стрицких“ живут рядом одна с другою, растительно сплетаются, хотя не смешиваются и тем менее амальгамируются»⁴³.

У Ап. Григорьева слово *стрицкий* обозначает подьячего, мелкого чиновника — мещанина, окружая его экспрессией пренебрежительной иронии. Так, у него читаем: «Жизнь, которая окружала меня в детстве, была наполовину жизнь дворянская, наполовину жизнь „стрицких“, ибо отец мой служил, и служил в одном из таких присутственных мест, в которые не проникал уровень чиновничества, в котором бражничало, делало дела и властвовало подьячество. . . Эта жизнь „стрицких“ соприкасалась множеством сторон с жизнью земщины, и в особенности в уголке мира, лежащем между комиссариатом, Зацепой и Пятницкой»⁴⁴.

Ср. у В. А. Слепцова в «Уличных сценах» при описании Петербурга: «Пока фокусник готовил в шляпе яичницу, разносчик успел уже придрататься к денщику, называя его *стрицким*»⁴⁵.

В конце своих «Дополнений и заметок к словарю Даля» акад. Я. К. Грот указал на недавно записанное им и «также пропущенное Далем в первом издании Толкового словаря слово» *стрицкий*: «В разных концах России простолюдые употребляет слово *стрицкий* (иногда *стрицкой*) в презрительном значении подьячего, мелкого чиновника и вообще дрянного человека. Объяснить происхождение этого слова не легко»⁴⁶.

В своем диалектологическом исследовании П. Н. Миханов отмечает: «*Стрицкий* — босяк, рвань в немецком платье, чело-

⁴² А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1898, стр. 160.

⁴³ Аполлон Григорьев. Воспоминания. М.—Л. 1930, стр. 37.

⁴⁴ Аполлон Григорьев. Указ. соч., стр. 38.

⁴⁵ В. А. Слепцов. Указ. соч., т. II. М.—Л., 1931, стр. 483.

⁴⁶ «Записки имп. Академии Наук», т. XX, кн. I. Петербург, 1871, стр. 112.

век без определенных занятий, задира, вдобавок пьянчужка, хотя таковым может и не быть; выражение, равносильное петербургскому „посадский“ или общеизвестному „стрикулист“, и т. п.»⁴⁷

Позднее это слово применяется Ф. М. Достоевским в «Дневнике писателя». В «Дневнике писателя» за январь 1877 г. у Достоевского даже один из разделов озаглавлен таким афоризмом: «Мы в Европе лишь *стриюцкие*». А ноябрьский выпуск «Дневника писателя» за тот же 1877 г. открывается статьей: «Что значит слово „стриюцкие“?». Эта статья дает очень любопытный материал для определения значения и употребления слова *стриюцкий*. Прежде всего выясняется, что слово *стриюцкий* есть слово простонародное, употребляющееся единственно в простонародье, и что большинству литературно образованных людей оно было малоизвестно. Достоевский с этого и начинает: «В два года издания моего „Дневника“ я, раза два-три, употребил малоизвестное слово „стриюцкие“ и получил несколько запросов, из Москвы и из губерний: Что значит слово „стриюцкие“?» Однако Достоевский признает, что это слово «войдет, может быть, и в литературу: кажется, и другие писатели, кроме меня, его употребляли». Далее, любопытно заявление, что толкование этого слова Достоевским основано на «неоднократных расспросах у народа». И, наконец, показательно, что объяснение Достоевского по смыслу совпадает с тем пониманием слова *стриюцкий*, которое дается кучком из комедии Островского, хотя окружает соответствующий этому слову образ несколько иной, более густой экспрессивной атмосферой. «*Стрюцкий*, — пишет Достоевский, — есть человек пустой, дрянной и ничтожный. В большинстве случаев, а может быть и всегда — пьяница, пропойца, потерянный человек. Кажется, впрочем, *стриюцкий* мог бы быть назван, в иных случаях, и не пьяница. Но главное свойство этого пустого и дрянного пьянчужки, заслужившее ему особое наименование, выдумку целого нового слова, — это, во-первых, пустоголовость, особого рода вздорность, безмозглость, неосновательность. Это — крикливая ничтожность. . . Слово „стриюцкие“ произносится при этом с пренебрежением, с презрением. . . *Стрюцкий*. . . самый „нестоящий человек“, какой есть. Прибавлю, что *стриюцкие* большею частью в худом платье, одеты не по сезону, в прорванных сапогах. Прибавлю тоже, что, кажется, *стриюцким* обзывается только тот, кто в немецком платье. . .»

Второй существенный признак стрюцкого «. . . есть недостаточно определенное положение его в обществе. Мне думается, что человек, имеющий деньги, дом или какое-нибудь имение, мало того, имеющий чуть-чуть твердое и определенное место, хотя бы и рабочим на фабрике, не мог бы быть назван „стриюцким“. Но если у него есть и заведение, лавка, лавочка, или что-нибудь, но

⁴⁷ П. Н. Миханов. Брянский говор. СПб., 1904, стр. 83.

ведет он все это неосновательно, как-нибудь, без расчета, то он может попасть в *стриюкье*. . . Итак, „стриюцкий“ — это ничего не стоящий, не могущий нигде ужиться и установиться, неосновательный и себя не понимающий человек, в пьяном виде часто рисующийся фанфарон, крикун, часто обиженный и всего чаще потому, что сам любит быть обиженным, призывает городского, караула, властей — и все вместе пустяк, мыльный пузырь, возбуждающий презрительный смех: „Э, пустое, *стриюцкий!*“»

Сам Достоевский стремился этому слову придать более широкое и общее значение. Привлекала к нему яркость экспрессивной окраски. «В этом слове для литературы привлекательна сила того оттенка презрения, с которым народ обзывает этим словом именно только вздорных, пустоголовых, кричащих, неосновательных, рисующихся в дрянном гневе своим дрянным людишек. Таких людишек много ведь и в интеллигентных кругах, и в высших кругах — не правда ли? Только не всегда пьяниц и не в прорванных сапогах, но в этом часто все и различие. Как удержаться и не обозвать иногда и этих высших „стриючками“, благо слово готово и соблазнительно тем оттенком презрения, с которым выговаривает его народ?»

Интересны указания Достоевского на то, что слово *стриюцкий* было очень распространено «в Петербурге в простонародье». Отсюда Достоевский склонен был даже делать вывод, что «слово это есть слово чисто петербургское и изобретено собственно петербургским простонародьем». Впрочем, великий писатель осторожно заявляет, что «сколько ни расспрашивал людей „компетентных“, не мог ни от кого добиться — откуда оно взялось, почему так сложились звуки его, употребляется ли оно хоть где-нибудь в России, кроме Петербурга».

«В Петербурге очень много напильного народа из губерний, а потому довольно вероятно, что словцо может перейти и в другие губернии, если еще не перешло»⁴⁸.

Но широкое распространение этого слова в низовых говорах и жаргонах Москвы и других городов еще в начале XX в. говорит против гипотезы Достоевского о местном, петербургском колорите этого слова.

В дореволюционном русском языке слово *стриюцкий* обозначало также штатского — в противоположность военному — с оттенком презрения и иронии. С тем же оттенком употреблял это слово К. С. Станиславский (во время репетиций «Евгения Онегина»). См. также в фантастическом рассказе Достоевского «Сон смешного человека»: «Я живу от хозяев, и у нас номера. . . Рядом, в другой комнате, за перегородкой, продолжался содом. Он шел у них еще с третьего дня. Там жил отставной капитан, а у него были гости — человек шесть *стриюкских*, пили водку и

⁴⁸ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 21, СПб., 1894, стр. 339—341.

играли в штосс старыми картами. В прошлую ночь была драка и я знаю, что двое из них долго таскали друг друга за волосы»⁴⁹. Такое же значение вкладывалось в это слово и многими современными интеллигентами.

Ср. у А. В. Амфитеатрова в романе «Восьмидесятники»:

«— Что — это каким чудаком ты сегодня?»

— Разве?

— Котелок какой-то удивительный, пальто куцое, коричневое. . . я и не видал у тебя такого! . . . Откуда раздобылся подобной прелестью?

— Купил, — пробормотал Борис как-то особенно нехотя.

— На толкучке, вероятно? Чорт знает, что! Ты на *стриюцкого* похож!

Борис слегка покраснел и нетерпеливо дернул плечом.

— Что же в такую толпу барином ходить? — Сказал он, глядя мимо лица Володи, — я не люблю чувствовать себя чужим среди живой массы, я с народом потолкаться люблю. . . Если я выряджусь в этакую бекешу, как на тебе, со мною никто из этих тысяч шумящих не скажет ни одного искреннего слова. Барина, брат, они боятся, барину не верят, перед барином либо холопствуют, либо без толку грубят, либо просто — без слов, молчанием, говорят ему: проходи мимо!

Володя усмехнулся. — Если ты рядишься для народа, — возразил он, — так носи поддевку, сапоги бутылками, картуз. — Это опера! Сабинин из „Жизни за царя“! „Не роза в саду-огороде, цветет Антонида в народе!“

— А так, — извини меня, — что ты хочешь, но ты не народ, а *стриюцкий*. Широкое лицо Федоса Бурста выразило хмурое, почти сердитое нетерпение. Борис отвечал с своею постоянной мягкостью:

— Да ведь мы в столице, Володя! Городской народ — сам, брат, норовит угодить больше под *стриюцкого*, чем под Сабинина. Красно-рубашные пейзажи с синими ластовицами уцелели в Москве только на сцене»⁵⁰.

«Толпа расступилась, давая пройти шествию полиции с арестованным „карманником“: очень тщедушным молодым человеком, именно из типа „*стриючки*“, в продавленной шляпе, скверно одетым, но с острым и не робким взглядом из под круто выпуклого рахитического лба»⁵¹.

«Он горько пожалел, что на нем не шведская куртка или *стриюцкий* пиджак, а через чур уже щегольская визитка»⁵².

⁴⁹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. XI, ч. I, СПб., 1895, стр. 125.

⁵⁰ А. В. Амфитеатров. Полн. собр. соч., т. XI. СПб., 1896, стр. 237—239.

⁵¹ Там же, стр. 256.

⁵² Там же, стр. 264.